Есть во Франции солнечная деревушка Сан-Тропес. А в деревушке — небольшой дом. В доме — кошки, собаки, прочая фауна. Дом зовут — Мадрага. А хозяйку его — Брижит Бардо. Круглый год, от весны до весны, в маленькой деревушке Сан-Тропес живут Дом и Хозяйка. Два живых существа. Одно часть другого. Он и Она. Друг и Подруга.
Полный бред?! Вовсе даже не бред. Корреспондент журнала «Пари-матч» Ирэн Фран дает возможность убедиться в этом.

Брижит БАРДО:

«Дом мой — друг мой»

— Мадрага! Место, теперь известное во всем мире. Оно дало вам новое реноме?!

— Мадрага — это я сама, а не мое реноме. Я купила этот Дом, когда мне было 23 года. Сейчас 57. Считайте, сколько лет мы с ним знакомы? За это время прошли самые значительные и дорогие события моей жизни. Он был главным их свидетелем. Сейчас Дом — это мое «лоно». Думаю, потом станет моим «музеем». Он первый самостоятельно приобретенный мной Дом, и потому он зеркало моих привычек и характера. Когда-то, только-только купленный, Дом был спокоен, как и я в лучшие годы юности. Затем, когда я оставалась в нем с Гюнтером Сашем или с другими или просто взрослела, у него портился характер: он мстил мне, считая, что я изменила ему: ревновал, перестраивался, «ломал» себя. Потом успокаивался, мирился. Но душа его уже была изранена. Как и моя.

Дом был в замечательном расположении духа, если ему удавалось летом избежать вторжения людей. Потому как Мадрага всегда была местом паломничества всего света. Порой это становилось невыносимым. Представляете, вокруг дома на пруду плавали лодки, в которых на пяти языках через громкоговорители рассказывали туристам истории обо мне! Я забивалась в самую дальнюю из комнат, запиралась и спускала занавески.

— Как вы купили ваш дом? Помните?

— Помню, и словно это было вчера. Май 1958-го. Мне сказали, что продается дом. Вечером в субботу я закончила съемки, села на поезд в полном одиночестве. На следующий день в воскресенье я увидела его, и он соблазнил меня, как мужчина. В понедельник утром я уже возвратилась в Париж, чтобы продолжить съемки.

Покупка Дома, который был создан для меня и который не мог быть создан для другой, оказалась, кажется, самым радостным событием жизни.

— Чем же он так соблазнил вас?

— Я хотела дом, который будто бы ногами уходил в воду. Вначале это казалось воплощенной мечтой. Затем превратилось в кошмар. Сколько любопытных торчало перед Домом в воде со своими фотоаппаратами, телеобъективами и прочей дрянью. Хорошо еще, что перед самым Домом очень и очень глубоко. Единственное мое спасение! Как же я тогда радовалась, видя у берега сломанные лодки! И сейчас еще радуюсь.

— А кому до вас принадлежал Дом?

— Рыбаку. Он прожил в нем не больше года. И знаете, я все еще храню ту едва уловимую грубоватую ауру, которая осталась от первого владельца. Поэтому, может, и Дом я всегда любила, как мужчину. У меня с Домом — физический контакт.

Так же, впрочем, как и с самой землей. Я уже не мыслю себя без хождений босиком. Не могу жить без сада, без земли, без травы, без деревьев, без моего пейзажа.

— А не захочется ли со временем поменять пейзаж?

— Я достаточно пожила в Мадраге, чтобы не усомниться: здесь лучше всего. Температура у этого пейзажа градус в градус соответствует моим потребностям. Вы понимаете, что я имею в виду?!

— Самые сильные свои воспоминания от жизни в Мадраге не вспомните?

— Может быть, день, когда Гюнтер разбросал с вертолета 112 роз над Мадрагой? А может быть, день, когда неведомый обожатель оставил у моей двери три связанные пальмы метров десять в высоту вместе с грузовиком,

в котором покоились их мощные корни. Потребовались четыре дня работы, чтобы посадить эти пальмы. Они и до сих пор живы, здоровы и прекрасны.

Дом — это мой корень. Квартира в городе ровно ничего не значит для человеческой души. Она — кроличья нора. У меня есть квартира в Париже. Время от времени я меняю в ней мебель, но никакие воспоминания там не остаются. Все растворяется, уходит через окно на улицу, всасывается в парижские тротуары. А Дом мой — друг мой!

— И никогда не возникает соблазна разлучиться с ним? Просто для того, чтобы освежиться. Сменить, если не пейзаж, то хотя бы интерьер?

— Да, наверное. Иногда «паломники» допекают куда хуже, чем знойное солнце. И я начинаю злиться на свое жилище: «Мол, ты виновато, что мне нет покоя!» Ну это скорее похоже на капризы немолодого мужа. Что-то на него вдруг находит, и он решительно заявляет жене нечто типа: «Все, я развожусь!» И, конечно же, не разводится. Слишком сильна привязанность.

— У вас с Домом связано слишком много впечатлений. Не огорчает ли вас это? Не раздражает ли ностальгия по прошлому, когда ходите по комнатам, касаетесь перил лестницы, вспоминаете?

— Я никогда не оглядываюсь назад. Я всегда в настоящем. А что касается будущего, то никогда ни в чем не уверена наверняка.

— Ваши животные — ваша слабость?

— Это моя сила. Это часть меня самой. Я отдаю животным свою жизнь. Они же мне платят чистой взаимностью: преданностью, нежностью, любовью.

Я прожила жизнь среди людей и не встретила такого образца взаимности! Такого абсолюта в чувствах. Люди говорили мне: «Абсолют в отношении? Что за чушь? Абсолюта не существует ни в чем!» Я же считаю, что, когда речь идет о чувствах, нужно отдавать все. Я предпочитаю все или ничего.

— Сейчас вы живете здесь совершенно одна?

— Да. Это мой выбор. Я сделала его в 37 лет, будучи еще и молодой, и красивой, и свыкшейся со столичным бытием. Жизнь — это вообще выбор. Выбор, а не участь. Если, конечно, не принимать во внимание болезни или несчастный случай. Я в своей жизни выбрала животных.

Здесь у меня не слишком большая территория. И я купила еще одно маленькое поместье — Гарриг, чтобы держать там своих коз, свою кобылу и кур. Это маленький домик, не обремененный моими воспоминаниями, но с хорошей территорией, что необходимо животным. Здесь в Мадраге я держу только кошек и собак. И все время кручусь между двумя домами.

— И что же, вы действительно не нуждаетесь в человеческих контактах?

— Ну бывают, конечно, моменты, когда мне хочется поговорить с кем-нибудь. Но думаю, что и с животными это можно делать.

— У вас с детства страсть к фауне?

— Да. В доме, где я жила с родителями, водились мыши. Отец убивал их метлой, гонял по всему дому. Я спасала мышей, которые были только ранены и прятала под свой пуловер. Они выздоравливали. Однако я никогда не оставляла их себе для забавы, как многие дети. Едва мышь выздоравливала, я отпускала ее. По-моему, это самые нежные воспоминания детства, они и сейчас меня волнуют.

Защита животных — не блажь. Человек никак не может понять, что он социально, морально, физически — в процессе разрушения, распада. Остановить процесс еще, может быть, сможет природа. Но никто, кроме нее.

— Вы пессимистка?

— Нет. Я уже сказала, что не гляжусь в прошлое, не заглядываю в будущее. Живу сегодняшним днем и трезво оцениваю его.

— Ваши мечты?

— О, я уже давно не мечтаю.

— Ну желания?

— Желания? Мне бы хотелось, чтобы в Мадраге любовь к животным создала нечто светлое и горячее, как Олимпийский огонь. Он ведь обладает поразительным свойством всех примирять.

— Вы не думаете о смерти?

— Думаю. Каждый день думаю. Только глупцы или эгоисты не думают. Потому что ни глупцы, ни эгоисты не знают: перед смертью надо все раздать. Все, что имеешь. Не поделиться, а отдать. Картины, вещи, драгоценности, не знаю, что еще. К смерти надо успеть подготовиться. Мне многое было дано в этой жизни. В могилу ничего из этого не унесешь. Надо быть щедрой. Надо уметь получать и надо уметь отдавать. Это сложнее. Но это обязательный закон бытия. Может быть, главный. Отдавать бескорыстно и безвозмездно. Это умение — фантастическое счастье. Спокойной смерть не будет, если не поймешь это.

Перевела с французского
Натэла МЕСХИ.

экран и сцена - с 13